

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-6-63-71
УДК 81-139(045)

Использование языка как инструмента управления обществом (опыт зарубежных стран)

М.В. Мельничук, Е.А. Стародубцева
Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье затрагивается актуальный и не до конца изученный вопрос взаимовлияния дискурса и властных полномочий. Цель исследования – изучение дискурса и текста, которые рассматриваются как социальная практика, в процессе чего язык используется для создания и поддержания властных отношений и, как следствие, является средством контроля и управления обществом. Отдельным вопросом при определении теоретико-методологических вариантов изучения языка в процессе управления является выяснение изначальных свойств, природы его генезиса, особенностей функционирования, т.е. все, что и позволяет языку быть инструментом властных отношений. Процесс контроля и управления обществом и осуществление при этом обратной связи как важнейшая функция языка рассматривается с теоретико-методологических позиций и в приложении к законодательству ряда зарубежных стран.

Ключевые слова: дискурс; критический анализ дискурса; социальный конструктивизм; языковая политика

Для цитирования: Мельничук М.В., Стародубцева Е.А. Использование языка как инструмента управления обществом (опыт зарубежных стран). *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(6):63-71. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-6-63-71

ORIGINAL PAPER

Language as a Tool for Society Manipulating (the Experience of Foreign Countries)

M.V. Melnichuk, E.A. Starodubtseva
Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The paper shows that the discourse is inherent, performing several related functions that are subject to discrimination and study. The research's aim is to study discourse and text, which are social practices, when language is used to create and maintain power relations and, as a result, is a means of controlling and handling society. A matter of determine the theoretical and methodological options for studying a language in the controlling process is to clarify the initial properties of its genesis, features of functioning, everything that makes the language as a tool of power relations. The authors consider the process of control and society manipulating and implementing feedback as the most important function of the language, from theoretical and methodological positions and the addendum to the legislation of several foreign countries.

Keywords: discourse; critical discourse analysis; social constructivism; language policy

For citation: Melnichuk M.V., Starodubtseva E.A. Language as a tool for society manipulating (the experience of foreign countries). *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(6):63-71. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-6-63-71

Определяющая роль языковых средств в осуществлении обществом социальных функций известна на протяжении всей истории существования социума с момента его возникновения, а степень их важности и аспекты функционирования издавна представляют интерес для ученых, работающих в различных областях знания. Выступая основным, центральным методом общест-

венного воздействия, язык всегда находился под пристальным общественным вниманием. Очевидно, что реализация этого интереса соответствовала конкретному состоянию общественного развития — существовали мистические и религиозные подходы, приведшие потом к научному, междисциплинарному изучению этого вопроса. И если первоначально научным исследованием языка как

инструмента социальной власти занимались философы и лингвисты, то в настоящее время данной темой заинтересовались социологи, политологи, психологи, биологи и даже специалисты в некоторых областях математического моделирования. Таким образом, язык больше не рассматривается как изолированный от общества феномен, — теперь учитывается контекст его функционирования, релевантные общественные отношения, для реализации которых он и предназначен.

Научные исследования показывают, что естественный отбор, помимо воздействия на биологические предпосылки возникновения речевого аппарата, способствовал развитию коры головного мозга человека и зарождению языка, прежде всего, для максимального усиления социального взаимодействия гоминид. Именно необходимость в способности определения ментального состояния другой особи явилась первоосновой и первопричиной перерождения первобытной коммуникативной системы в настоящий человеческий язык. При многостороннем анализе языкового взаимодействия становится очевидным, что само предназначение языка — это развитая коммуникативная составляющая, в которой, в свою очередь, центральное звено — возможность осуществления коммуникативной обратной связи. Несмотря на то что возникновение данного понятия связывают с именем Н. Винера и разработкой им основ кибернетики (в которой понятие «обратная связь» является краеугольным камнем построения теории управления системой), само явление контроля управляющего воздействия на результат присуще основам мироздания, и им пронизаны практически все процессы, происходящие во вселенной. Соответственно, в ходе развития социума и усложнения видов и способов коммуникативных взаимодействий для индивида было принципиально важно оценить ментальное состояние другого индивида, предпринять меры для возможного изменения этого состояния в желательном направлении, а затем определить, произошло ли оно. С другой стороны, этот процесс формирования способности языка к контролю и управлению создает возможность для человека и человеческих сообществ управляться и контролироваться, т. е. подвергаться манипулированию. Система коммуникации, таким образом, представляет собой «специа-

лизированный механизм управления в системе популяции в целом» [1, с. 127].

Потенциал языковых средств для управления социальными группами многократно усилен и приобрел свойства тотального информационного воздействия, что особенно очевидно при рассмотрении в синхронном аспекте. Возникновение постиндустриального общества, характеризующегося, прежде всего, так называемым «информационным взрывом» — с одной стороны, и гипертрофированное развитие средств массовой информации — с другой стороны, привело к перманентному языковому принуждению к формированию в сознании людей определенной картины окружающего мира. Происходящая при этом блокировка нежелательного понимания поступающей информации позволяет контролировать ее поток языковыми инструментами. Такой подход гораздо ресурсо- и энергоэкономичнее информационной блокады, применяемой в тоталитарных обществах, и позволяет, кроме этого, менее жестко контролировать информационные потоки, что, в частности, используется многими странами в осуществлении государственной политики в области применения и функционирования государственного языка. Прежде чем провести обзор такого регулирования в ряде зарубежных стран, необходимо отметить, что существует ряд научных исследований, посвященных качественно новому влиянию языковых процессов на общественный менталитет. В частности, в процессе разностороннего изучения использования языка в целях общественного управления появилось новое научное направление — анализ политической коммуникации. Эта дисциплина, возникнув на базе слияния многочисленных разнородных исследований взаимодействия языка и социума, в свою очередь, разделилась на два основных направления, зависящих от масштаба рассматриваемых политико-коммуникационными исследованиями воздействий. Первое из них, условно называемое микроуровневым, используя многочисленные статистические данные и отчетность эмпирических исследований, направляет фокус своего внимания на изменение политических предпочтений, поведенческих установок, мнений и поведения на уровне отдельного индивида. Обобщая и упорядочивая эти данные в процессе научной обработки, ученые создают когнитивные конструкции, выступающие затем в качестве основы для изучения

побудительной коммуникации для повышения эффективности проведения избирательных кампаний. Эти работы были начаты в 40-е гг. XX в. П. Лазарсфельдом, Б. Берельсоном и Х. Годэ [2] и продолжают непрерывно по настоящее время. Параллельно этому анализу на микроуровне проводятся сопряженные с выборной проблематикой исследования феномена массовой пропаганды и его влияния на социализацию индивида и ее проявление в политическом аспекте.

Другое направление изучения влияния языка на процесс политической коммуникации предполагает создание моделей, отображающих тенденции и сущностное наполнение информационного воздействия на политических субъектов и отдельные социальные группы в совокупности, в общественном пространстве всей страны или даже государственные объединения. Этот макроуровень политико-информационных исследований отличается гораздо большим масштабом создания парадигм, концептуально отражающих глобальные направления и степень реального воздействия информационных потоков. Изыскания в этом направлении проводили, в частности, Э. Тоффлер [3] и Ф. Уэбстер [4].

С понятием политического дискурса современная наука тесно связывает проведение политической коммуникации и использование языка в качестве инструмента контроля и власти и в процессе управления обществом. Данное понятие обобщает основные теоретические концепции функционирования языка в социуме и в то же время задает методологические установки для синхронного анализа языкового влияния на общество. В зависимости от фокуса, на который приходится основное внимание ученого, появляются различные направления изучения: социальная семиотика, критическая лингвистика, социокогнитивный и социокультурный дискурс-анализ.

Определяя дискурс как проявление в языке определенной идеологической позиции, французский исследователь М. Пешо применяет методику дискурс-анализа для исследования языковых средств при реализации определенной политики или идеологии [5]. Контекст идеологических воззрений заложен при этом в самом языке, а процессы формирования и источники дискурса неочевидны и недоступны для прямого наблюдения общественности.

Представители направления критической лингвистики считают, что даже грамматический

строй текста может отражать идеологическую направленность и формирует восприятие речи как предзаданную подчиненность или, наоборот, доминирование, что позволяет неявным образом осуществлять управление обществом.

Тотальное распространение персональных устройств доступа к информации (причем в широчайшем спектре форматов мультимедиа) позволяет социальным семиотикам рассматривать визуальные образы наряду с традиционными текстами. Фотографии и видеоклипы, репродукции картин и цифровые изображения произведений скульптуры и архитектуры, фильмы и проекты виртуальной реальности — все это создает новые пространства смыслов и, наряду с текстом в традиционном понимании, определяет дискурсы доминирования той или иной точки зрения. При этом формы подачи материала претендуют на занятие позиций в идеологической борьбе.

Выиграть борьбу за власть в новом обществе, управлять им и использовать устаревший инструмент языка невозможно. И устаревание это происходит буквально на глазах. Насколько быстро меняется социокультурная реальность, настолько же стремительно трансформируется дискурс — их взаимовлияние находится в постоянном диалектическом соотношении. Неизменным остается использование языка как инструмента идеологической и властной борьбы и, соответственно, формирование дискурса политического контроля над обществом. Нужно отметить, что некоторая часть представителей направления социокогнитивного дискурс-анализа придерживается мнения, что влияние политического дискурса ограничивается сферой социальных взаимоотношений. Представителем этой точки зрения является голландский ученый Т.А. ван Дейк [6], который считает, что профессиональные рамки политики ограничивают политический дискурс.

Представляется достаточно затруднительным такое разделение видов дискурса и невозможность провести границу между собственно политикой и идеологией и сферами, которые они не затрагивают. Впрочем, сам голландский ученый признает, что политическим дискурс является только в контексте политической борьбы, и политическими высказываниями признает таковые в политической обстановке. Однако, рассматривая условия социального развития на примере некоторых зарубежных стран, можно

заметить всеобъемлющее влияние дискурса на общество и отсутствие явлений общественного или культурного характера, не оказывающих воздействие на властные отношения между социальными группами. Короче говоря, все есть политика... Более того, согласно наиболее популярным и распространенным взглядам исследователей-постмодернистов, политический дискурс — это всеобъемлющее явление, т.е. «все есть дискурс». Сами проявления политической жизни трактуются как победа определенного господствующего дискурса, навязавшего обществу идеи и социальные нормы, закрепившего их в языке, а также нормах общественной жизни. Но господствующий дискурс является таковым постольку, поскольку он «одержал победу» и продолжает «выигрывать» в конфликтах с многочисленными другими дискурсами. Представитель постмодернизма М. Фуко характеризовал эту борьбу так: «Я полагаю, что в любом обществе производство дискурса одновременно контролируется, подвергается селекции, организуется и перераспределяется с помощью некоторого числа процедур, функция которых — нейтрализовать его властные полномочия и связанные с ним опасности, обуздать непредсказуемость его события, избежать его такой полновластной, такой угрожающей материальности» [7, с. 51].

Социальные конструктивисты, представителями которых являются Э. Лаклау и Ш. Муфф [8], развивая теоретические положения Л. Альтюссера [9], считают политический дискурс основным фактором формирования идеологических представлений и в конечном счете конструирования и трансформации социальной реальности путем определения значимости того или иного события общественной жизни. Выражая политическую идентичность при подобном конструировании смыслов и образов, в теории дискурса ученые наиболее широко используют теоретико-методологический подход для исследования создания и поддержания социального порядка.

При этом дискурсу присуще выполнение ряда сопутствующих функций, которые также подлежат вычленению и изучению. Из наиболее актуальных можно отметить информативную, персуазивно-функциональную (конструирование и презентация наилучшим образом устроенного мира), делимитативную (отличительная), группо-выделительную и аргументативную

функции, которые выделяла в своих исследованиях Р. Водак. Однако большое количество ученых-лингвистов обращают внимание на контролирующую функцию, подразумевающую манипуляцию сознательной жизнью социума и управление мобилизационными факторами. Она считается базовой, поскольку использует средства языка как инструмент политической власти, борьбы за власть и ее осуществление, стабилизацию и, при необходимости, перераспределение.

Представляется важным подчеркнуть, что влияние дискурса на социум отличается от директивного управления языком для проведения конкретных управленческих решений. Более того, дискурс может использоваться для расшатывания и противодействия традиционным сложившимся структурам власти и общественного устройства. Это зависит от конкретных исторических, социальных и политических условий его производства и понимания контекстуальных конфигураций, формирующих определенный класс дискурса, и предполагает возможность выявления и противодействия им. В практическом плане эти положения можно проиллюстрировать анализом политической ситуации, которая привела к государственному перевороту в Таиланде в 2006 г. Изучая преобладающие дискурсы того времени и сопоставляя их с политическим и социальным контекстом, можно сделать вполне определенные выводы о происхождении и источниках текстов, преобладающих в информационном поле. Но анализ можно провести и в обратном направлении, определив по лингвистическим и текстовым особенностям дискурса отношение авторов к совершению переворота и их позицию в идеологическом поле тайского общества.

Вообще, попытки государственного регулирования идеологического состояния социума, являясь частным случаем, все же отражают контекст общего политического дискурса. Показательным в этом отношении будет анализ государственного регулирования функционирования государственного языка в некоторых странах с различным политическим устройством и уровнем социально-экономического развития. Ярким примером соответствия государственного законодательства о языке сложившимся социальным условиям может служить система законов США, где на федеральном уровне отсутствует декларация о едином

государственном языке, а решение вопросов об официальном языке происходит на уровне штатов. Законодательный нейтралитет правительства по отношению к государственному языку, тем не менее, не означает отсутствия всяких регулирующих воздействий. Необходимый контроль и управление в этой сфере реализуется в законодательстве об образовании и иммиграционных правилах и, таким образом, в этой сфере работает система сдержек и противовесов, характерная для всей политической структуры США.

Другим примером соответствия регулирования государственного языка социальным условиям является соответствующее законодательство КНР. Многонациональный и многоязычный состав страны потребовал от руководства отказаться от термина «государственный язык» и использовать в этом качестве общеупотребительный язык путунхуа — наречие, созданное искусственным путем. Такое решение позволяет соблюсти этноязыковой баланс и одновременно сохранить языковой государственный суверенитет.

Говоря о существующих подходах к языковой политике разных государств, необходимо отметить несколько направлений ее осуществления. Одно из них — вызов чувства стыда. Данный подход был распространен во времена колонизации, но в целом ряде стране продолжает использоваться и сегодня. Он осуществляется за счет изоляции различных групп языковых меньшинств. Практически во всем мире дети из числа коренных народов испытывают на себе влияние политики образования, осуществляемого на одном языке. Если обучающийся говорит на своем родном языке и не знает тот, на котором ведется официальное обучение, его будут всячески стыдить и указывать на то, что он отстаёт и не способен к учебе. Это, в том числе, относится и к другим меньшинствам, не только носителям языка или диалекта. Например, до внедрения специальных устройств и программного приложения, способного трансформировать речь в текст и наоборот, глухие дети обучались так же, как и слышащие — с помощью орализма, что подразумевает производство человеческой речи (использование языка жестов было чаще всего бесполезно, их бы никто не понял). Латиноамериканских студентов в США часто заставляют думать, что они говорят на искаженном английском, в то время как перевод,

который они выполняют, является дискурсивной нормой всех двуязычных сообществ.

Сегодня общество открыто не заявляет, что представители языковых меньшинств должны быть исключены из него и не достойны получать образование. Вместо этого оно направляет свои усилия на то, чтобы не позволить получить образование тем, кто не соответствует системе с лингвистической точки зрения. Выпускники школ Великобритании и США лишаются возможности получения дальнейшего образования, если они плохо сдают стандартизированные экзамены, где проверяется использование стандартного английского языка. Это соответствует политической идеологии монолингвизма. В Великобритании установлено, что не должно быть никаких «отдельных положений» для детей из языковых меньшинств и двуязычного образования.

Языковая политика часто направлена на то, чтобы заставить кого-то замолчать, лишая людей возможности вхождения во власть и осуществления властных полномочий. Так, позиция Франция состоит в том, что только французский язык связан с французской идентичностью. В результате носители других языков страны: баскского, бретонского, каталанского, корсиканского, окситанского и фламандского до недавнего времени не имели возможности реализовать свое право, если они говорили не на французском. Наличие региональных языков было признано конституцией Франции (ст. 75–1)¹, тем не менее нерешительность страны ратифицировать Европейскую хартию региональных языков или языков меньшинств связана с опасением распространить французскую идентичность на них.

В свою очередь, в 1962 г., когда Алжир получил независимость от Франции, он объявил классический арабский единственным официальным и национальным языком, отвергнув алжирский арабский и берберские языки (также известные как тамазайт).

Процессы реализации языковой политики в Индии отличаются от вышеизложенного — согласно конституции страны, всем гражданам гарантируются языковые права (представители языковых и религиозных меньшинств имеют право на получение образования на родном

¹ Constitution de la République française. URL: <https://www.assemblee-nationale.fr/connaissance/constitution.asp>

языке), что значительно отличает ее от многих других стран мира.

Перепись населения Индии 2011 г. показала, что в стране проживают носители 121-го языка², которые принадлежат к пяти различным языковым семьям: австроазиатской, семитохамитской, дравидийской, индоарийской и тибето-бирманской. В Конституция Индии зафиксировано 22 так называемых признанных языка. Английский, ранее воспринимаемый как «язык доступа» к получению высшего образования, активно изменяет свой статус, превращаясь в «золотой ключик», открывающий двери в светлое будущее. Британский лингвист Д. Граддол, указывая, что английский язык характеризуется чрезвычайной неравномерностью его знания, присутствия и использования, отмечает, что он, тем не менее, являясь раньше частью механизма исключения, теперь рассматривается как средство включения [10, с. 120].

Языковая политика в Индии с 1947 г. адаптировалась к меняющимся требованиям и чаяниям людей. Во-первых, вопрос о национальном языке был мудро решен в годы становления независимости — ни один язык не был объявлен национальным. Во-вторых, была принята «формула трех языков», определенная Министерством образования правительства Индии в Резолюции о национальной политике 1968 г. Она предусматривает, что во всех государственных школах по всей стране должны преподаваться три языка: английский, хинди и тот, на котором говорят в данном регионе/штате. Однако данная формула воплощается в жизнь по-разному. Например, в Западной Бенгалии местный язык (диалект) — бенгальский — достаточно близок к хинди, и поэтому было принято решение не изучать хинди вообще. Приводились доводы, что бенгальский язык значительно богаче, нежели хинди, в культурном плане.

Трехязычная формула имеет как эксплицитные, так и имплицитные цели. Примером первой является стремление к увеличению числа жителей страны, знающих хинди и английский, — двух языков, способных объединить нацию. Примером второй выступает увеличение многоязычия по всей стране. Однако, как было научно доказано, многоязычие расширяет

кругозор, но способствует тому, что знающий несколько языков становится более социально терпимым.

Языковая политика Индии была сформулирована с целью объединения различных культур и языков за счет выбора одного официального языка, которым на тот момент виделся хинди. Но, поскольку «формула трех языков» не лишена определенных недостатков, а индийская политика в области образования испытывает трудноразрешимые противоречия, изначально обозначенная цель свелась к тому, что английский и хинди стали квазиофициальными языками. Сначала английский язык в официальной политике и образовании был временной мерой (оговаривалось, что он будет использоваться в течение 10 лет), но, как это часто случается, временное превратилось в постоянное — практика его использования только расширяется без успешных попыток найти вариант, соответствующий сегодняшним потребностям и целям.

Франция, в свою очередь, в принципе однозначно отвергает подход, при котором языковые права меньшинств принимаются во внимание. В соответствии с «республиканским мышлением» выбранный подход поддерживается даже некоторыми французскими лингвистами, чьи взгляды кажутся несколько сюрреалистичными для приверженцев нереспубликанским идеям. Например, Бернар Черкильини (который, как известно, определил 75 языков, которые стоило бы защитить, если бы Франция ратифицировала Хартию региональных языков или языков меньшинств), без колебаний заявил, что Хартия продвигает видение, противоречащее республиканским принципам, «согласно которым язык как элемент культуры принадлежит к национальному наследию. Корсиканский язык является собственностью не корсиканского региона, а нации» [11, с. 4]. Иллюстрируя этот подход далее, Б. Черкиглини объясняет, что «наряду с литературным и художественным наследием и историческими памятниками существуют также языки, которые имеют ту же ценность, что и Римская церковь». Даже многие сторонники ратификации Хартии утверждают, что региональные языки должны поощряться исключительно на том основании, что они принадлежат к «неразделимому культурному наследию Франции» [12, с. 114]. Эта точка зрения стала краеугольным камнем официальной политики в отношении региональных языков

² Census of India 2011. URL: https://web.archive.org/web/20181114073412/http://www.censusindia.gov.in/2011Census/C-16_25062018_NEW.pdf

во Франции сегодня, о чем свидетельствует конституционная поправка 2008 г., о которой говорилось выше: «региональные языки принадлежат к наследию Франции».

Реальность такова, что приравнение региональных языков к другим аспектам культурного наследия потенциально ведет к редукции. Как предупреждает Г. Джордан: «Региональные языки больше не будут живой, развивающейся реальностью, а станут пережитками максимум для нескольких людей, интересующихся старыми традициями» [13, с. 29]. Этот риск фольклоризации реален, учитывая, что официальные действия по продвижению региональных языков во Франции традиционно ограничивались сферами культуры, средств массовой информации и образования, причем последнее касалось в основном изучения региональных языков, а не преподавания на них.

Ситуация с региональными языками во Франции — яркий пример традиционно несправедливых условий, что делает аргументы, основанные на субъективной неадекватности вариантов, еще более актуальными. Власти Корсики, например, утверждают, что корсиканский язык, являясь символом самобытности острова, — важное средство социальной сплоченности как для носителей языка, так и для тех, кто не говорит на нем³.

Многие ученые-лингвисты как во Франции, так и за ее пределами, отмечают, что французский республиканизм во многих отношениях пал жертвой идеологических эксцессов в отношении притязаний на нейтралитет. Это парадоксальным образом привело к тому, что на практике он проявляет черты, которые явно отвергает в принципе. Например, британский профессор политической теории Джереми Дженнингс размышляет о том, следует ли на самом деле рассматривать французский республиканизм как «извращенную форму коммунизма, для которого национальное сообщество является высшим сообществом, насильственно навязывающим единое общее благо множеству субнациональных групп». Автор также задает вопрос: «В какой степени республиканская концепция гражданства воплощает в себе подлинно универсалистскую приверженность, в отличие от

партикуляристской артикуляции национальных ценностей?» [14, с. 597].

Конституционная поправка 1992 г., объявившая французский «языком Республики» и ставшая еще одним серьезным препятствием для продвижения региональных языков, рассматривается некоторыми исследователями как пример республиканского фундаментализма, который парадоксальным образом подрывает универсалистские характеристики французской республиканской модели. Такие аргументы тем более убедительны, что поправка была внесена в то самое время, когда Франция отказалась ратифицировать Хартию региональных языков или языков меньшинств.

Вдохновленная теоретическими открытиями культурного либерализма эта новая волна французской политической философии «призывает французский республиканизм быть менее социологически наивным, то есть признать властные отношения, которые делают невозможным различие между публичной и частной сферами» [15, с. 25].

Новый республиканский подход к правам языковых меньшинств был предложен Айелет Банаи. Как и критический республиканизм, модель Банаи основывается на различии между политической или общественной жизнью — с одной стороны, и культурной жизнью — с другой, что потенциально может обеспечить большее признание региональных языков в общественной сфере. Действительно, решающее значение для ее подхода имеет различие, которое она проводит между общественным и культурным признанием языков меньшинств. Что касается первого, то объясняется, что «говорящие на государственном языке могут ожидать, что их сограждане и представители государственных учреждений будут понимать их и взаимодействовать с ними на этом языке в вопросах, связанных с общественной или политической жизнью их страны, а также с предоставлением общественных товаров и услуг, например здравоохранения, образования, социального обеспечения, средств массовой информации и культуры, юриспруденции и администрирования». Культурное признание, напротив, позволяет носителям непубличных языков «иметь доступ к знанию своего родного языка и поддерживать его как элемент своей идентичности и ресурс для их личной и социальной жизни» и, как правило, требует «финансирования культур-

³ Collectivité territoriale de Corse. Proposition de statut pour la coofficialité et la revitalisation de la langue corse. (Rapport No. 2013/O1/066).

ных центров и мероприятий, нескольких часов школьного обучения языку, а также обучения взрослых, дополненного поддержкой средств массовой информации» [16, с. 203].

А. Банаи делает попытку разобраться с вопросом исторической несправедливости, что отличает ее модель от неисторических или синхронных подходов к правам языковых меньшинств. Как объясняет Стивен Мэй, такие подходы «особенно проблематичны, потому что [они не в состоянии] адекватно учитывать, если вообще учитывают, неизбежный исторический и современный факт, что установление государственных или национальных языков почти во всех случаях является по своей сути преднамеренным [...] политическим актом и, более того, тем, который явно приносит пользу одним людям и группам за счет других» [17, с. 322].

Приведенные примеры институционализированной формы управления языком показывают зависимость этого управления от контекста

и одновременно неизбежность конструирования и формирования дискурса доминирования со стороны власти.

Представляется важным подчеркнуть, что использование языка как инструмента управления и контроля, т.е. властвования над обществом, не означает властвования над самим языком, который, являясь самостоятельным социокультурным феноменом, функционирует, развивается и взаимодействует в процессе производства дискурса по своим имманентным законам. Другими словами, оказывая влияние на условия функционирования языка, затруднительно воздействовать на сам язык. Диалектика взаимовоздействия общества с языком, таким образом, приводит к тому, что язык используется для осуществления властных полномочий и, в свою очередь, изменяясь и развиваясь параллельно с развитием социума, неизбежно оказывает влияние на содержание самой власти, т.е. на управляющего и контролера.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Фридман В.С. От стимула к символу: Сигналы в коммуникации позвоночных. Часть 1: Основные определения и механизмы взаимодействий. Сигналы и их «материальные носители»: демонстрации. Сигналы и механизмы коммуникации в действии. М.: URSS; 2013. 690 с.
Fridman V.S. From stimulus to symbol: Signals in vertebrate communication. Part I: Basic definitions and mechanisms of interactions. Signals and their “material carriers”: demonstrations. Signals and communication mechanisms in action. Moscow: URSS; 2013. 690 p. (In Russ.).
2. Лазарсфельд П. Ф. Выбор народа: как избиратель принимает решение в президентской кампании. Пер. с англ. Ульяновск: УлГУ; 2018. 151 с.
Lazarsfeld P.F. People’s choice: How the voter makes a decision in the presidential campaign. Transl. from English. Ulyanovsk: UIGU; 2018. 151 p. (In Russ.).
3. Тоффлер Э. Метаморфозы власти: Пер. с англ. М.: ООО «Издательство АСТ»; 2003. 669 с.
Toffler E. Metamorphoses of power: Transl. from Eng. Moscow: LLC “Publishing house AST”; 2003. 669 p. (In Russ.).
4. Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М.: Аспект Пресс; 2004. 400 с.
Webster F. Theories of the information society. Moscow: Aspect Press; 2004. 400 p. (In Russ.).
5. Pêcheux Michel. Language, semantics, and ideology. London: MacMillan; 1982.
6. Van Dijk T.A. What is political discourse analysis? URL: https://e-l.unifi.it/pluginfile.php/909651/mod_resource/content/1/Van%20Dijk%20Waht%20is%20political%20discourse%20analysis.pdf
7. Фуко М. Археология знания. Киев: Ника-Центр; 1996. 208 с.
Foucault M. Archeology of knowledge. Kyiv: Nika-Center; 1996. 208 p. (In Russ.).
8. Laclau E., Mouffe Ch. Hegemony and Socialist Strategy. L.: Verso; 1985. 197 p.
9. Альтюссер Л.П. Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования). Пер. с франц. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/3/a13.html>
Althusser L.P. Ideology and ideological apparatuses of the state (notes for research). Transl. from French. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/3/a13.html> (In Russ.).
10. Graddol D. English Next India. New Delhi: British Council; 2010.
11. Cerquiglini B. Les langues de France. Rapport au Ministre de l’Education Nationale, de la Recherche et de la Technologie, et à la Ministre de la Culture et de la Communication. Paris: La documentation française; 1999.

12. Carcassonne G. Étude sur la compatibilité entre la Charte européenne des langues régionales ou minoritaires et la Constitution. URL: <https://mjp.univ-perp.fr/france/1998carcassonne.pdf>
13. Giordan H. Les langues régionales dans la constitution: Un pas en avant très ambigu. Diasporiques. URL: http://portal-lem.com/images/fr/diasporiques/Giordan_Les_langues_regionales_dans_la_Constitution.pdf
14. Jennings J. Citizenship, republicanism and multiculturalism in contemporary France. *British Journal of Political Science*. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/british-journal-of-political-science/article/abs/citizenship-republicanism-and-multiculturalism-in-contemporary-france/B36C076BA01030BC1F0500F2A85FF941#>
15. Guérard de Latour S. Vers la République des différences. Toulouse: Presses universitaires du Mirail; 2009.
16. Banai A. Language recognition and the fair terms of inclusion: Minority languages in the European Union. Liberal multiculturalism and the fair terms of integration. London: Palgrave Macmillan; 2013.
17. May S. Language rights: Moving the debate forward. *Journal of sociolinguistics*. URL: <https://studylib.net/doc/7828162/language-rights-moving-the-debate-forward-stephen-may-may?ysclid=17xksro388453378990>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Марина Владимировна Мельничук — доктор экономических наук, кандидат педагогических наук, профессор, руководитель департамента английского языка и профессиональной коммуникации, Финансовый университет, Москва, Россия

Marina V. Melnichuk — Dr. Sci. (Econ.), Cand. Sci. (Ped.), Professor, Head of the Department of English and Professional Communication, Financial University, Moscow, Russia

<http://orcid.org/0000-0002-7720-7443>

MVMelnichuk@fa.ru

Елена Алексеевна Стародубцева — кандидат педагогических наук, доцент, старший преподаватель департамента английского языка и профессиональной коммуникации, Финансовый университет, Москва, Россия

Elena A. Starodubtseva — Cand. Sci. (Ped.), Associate Professor, Department of English and Professional Communication, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-8031-3474>

EAStarodubtseva@fa.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare

Статья поступила 05.08.2022; принята к публикации 25.09.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 05.08.2022; accepted for publication on 25.09.2022.

The authors read and approved the final version of the manuscript.